

Козья Шкура

У одного царя был косяк лошадей. Кобыла одна, как жеребиться, так из табуна вон выходила и приходила всегда без жеребенка. Подошло ей время третьим жеребиться; вот сын и просится у отца караулить кобылу. «Пусти, батюшка!» — «Где тебе укараулить кобылу?» — «А может статья и укараулю». Оседлал коня и поехал в косяк кобылу караулить. Кобыла начала поглядывать: бежать захотела. Конь ему и говорит: «Мотри, добрый молодец, побежит, так меня пускай; она есть остановится, и ты меня есть пусти!» Кобыла поднялась, много ли, мало ли скакала, доскакала до камышу и брякнулась в камыш и стала жеребиться. Конь и говорит: «Добрый молодец, поди, как только из прохода появится жеребенок, держи его за уши!» Только что жеребенок высунулся из прохода, он его за уши и схватил. Пошел он его мыкать по лесам, по рекам, по болотам и назад опять принес. И встали все три жеребца в ряд: один хорош, другой лучше, а третий еще лучше. И говорят они ему: «Добрый молодец, возьми из нас только по волосу, а нас пусти: мы тебе еще пригодимся!» Царский сын взял у них по волосу, завязал в разные узлы, а их пустил. Подходит его конь (а кобыла уж в косяке) и не везет. «Станешь меня ореховыми ядрами кормить — так повезу, а то нет». — «Буду кормить, вези только!» Приезжает в дом, говорит отцу. Нечего делать, надо ядрами ореховыми кормить; а у него была жена (мачиха ему), ей и досадно кажется жеребца орехами кормить. Она возьми да и захворай. Сколько лекарёв ни привозили — никто вылечить не мог. И говорит она своему мужу: «Заколите вот этого жеребца, выньте из него сердце и вылечите меня!» Ей, вишь, сгубить хочется. А сын ходит в училище; учиться пойдет — к коню зайдет; из училища — опять к нему. Жеребец ему и говорит: «Ну, добрый молодец, меня колоть хотят; как станут меня обрывать, я заржу — стекла вылетят из училища, где ты учишься; а если валить станут, так беги проворней: с училища верх слетит, а я без тебя еще не дамся». Обратали жеребца, повалили; царский сын прибежал и говорит: «Батюшка, дай мне на нем в остальной раз хоть двором проехать!» Сел прокатиться от стены до стены, взвился и перемахнул через стену. Уехал из царства, долго ли, мало ли ехал, только попал в другую землю. Коня царский сын пустил, сам козью шкуру на себя надел и пошел. Попал в царский сад, а его старик караулит. Он к нему в дети и пошел. И присылает туютошный царь за яблоками в сад. «Нарвите мне к обеду яблоков!» А царский сын и говорит старику: «Посто-ка, тятенька, я

сам дам!» Одно дал красно, друго́ — половина гнилая, а третье все гнилое. Царь с гостями и стал думать, к чему такие яблоки принесены. В сенат царь ходил, и то не рассудил. Подходит самая малая дочь и говорит: «Вот что, батюшка: краснo-то яблоко это мои красны года, а гниловатое — это средней дочери года (время подходит), а совсем гнилое — вовсе время проходит у старшей дочери». Царь и отдал старшую дочь за начальника, среднюю тоже за чиновника, а младшую за Козью Шкуру. Женились, да пиры и пошли. Царь столует с теми зятьями, а Козью Шкуру не пускает к себе, особенну горницу отвел. Младшая дочь плакать начала. И случилось так, что на царя воинство пошло. Поехал царь с двумя зятьями на войну, а младшая-то подошла и просит: «Дайте, батюшка, моему-то каку-нибудь лошаденку выехать поглядеть». — «На, возьми, — говорит, — водовозку!» Сел царевый сын лицеем к хвосту, да ладонью погонят. Заехал в лесок, за кусток, козью шкуру скинул, лошадь отпустил и вынул один волос (первого жеребца). Явился перед ним конь ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Выехал он на нем к войску и не столько руками побил, сколько конем подавил. Царь и говорит: «Добрый мóлодец, милости просим ко мне чай пить!» — «Угожу, так приеду, а не угожу, так не приеду». Поехал назад, коня пустил, козью шкуру надел, волос в узел завязал и на водовозке домой вернулся. «Как разосплюсь, если увидишь что, не сказывай!» Ну, значит у него козья шкура и заворотилась: царскую одежду и видно. Жена обрадовалась. На второй день царь опять зятьев берет, а этого опять нет. Младшая дочь у отца просит: «Батюшка, дай моему-то лошадь какую-нибудь!» — «Да вон водовозка-то, бери!» Поехал опять царский сын на водовозке; заехал в кусток и вынул из узла волосок среднего жеребца. Явился конь ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать и покатыл. С эстолько руками не побил, сколько конем подавил. Царь опять зовет: «Добрый молодец, милости прошу ко мне чай пить!» — «Коли угожу, так приеду, а не угожу — не приеду».

Приехал, спать лег и говорит жене: «Смотри, если я разосплюсь, ты что увидишь — не сказывай!» У него козья шкура и того больше заворотилась. Жена пуще повеселела. Прошла ночь; царь уехал с зятьями на войну. Она идет к матери и говорит: «Матушка, попроси моему-то лошадь!» Дали ему опять водовозку. Заехал он за кусток, снял козью шкуру и взял волосок от третьего жеребца. Встал перед ним картина — не жеребец, и сам он стал не молодчина, кровь с молоком. Столько руками не побил, сколько конем подавил. Царь опять его зовет: «Добрый молодец, просим милости обедать ко мне!» — «Ладно, — говорит, — обедать приеду». А жене сказал перед отъездом: «Ты смотри, встречай меня, как приеду! Я не в таком образе-то

вернуть». Царь приехал, сготовили обед, ждут доброго молодца. Едет молодец. Царь выходит и встречает, за руки в горницу ведет. Как вошел, так жена на шею ему и кинулась. Царь отец и говорит ей: «Дура, — говорит, — что ты на чужих-то кидаешься? Ты бы в ту пору такого мужа выбирала!» — «Батюшка, — говорит младшая дочь, — это мой муж и есть!» Царь отдал тогда ему свое царство, а те зятя ступай по своим местам.

(Записано от воротника Алексея с Озёрки, Самарск. губ. Ставропольского уезда)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.